

лимым давлением центробежных сил феодализма Русского государства, борьбу за его независимость с грозным натиском степи. Это — темы, близкие народному сознанию и воплощенные в эпических образах русских богатырей, стерегущих границы Русской земли. В ряд с ними Лазарь ставит своих героев Бориса и Глеба. Вторя ему, в искусстве создается образ конных Бориса и Глеба с мечами и стягами-копьями, поспешающих туда, где есть угроза миру и справедливости.¹⁴³ Это — образ идеализированных святых феодалов, стоящих на страже интересов всего народа. В связи с этим их роль как «врачей безмездных» отходит на второй план: Лазарь, как мы видели, уделил мало внимания переработке этих рассказов. Перенос внимания писателя с главной темы Нестора на новые задачи культа диктовался самой жизнью и усиливал идейную действенность и популярность святых князей.

Вместе с этим в «Сказании» прозвучала другая патриотическая нота — мысль о международной, мировой значимости культа Бориса и Глеба. Они превосходят солунского святого Димитрия — он защищал только свой город, Солунь, его интересы были феодально узки. Борис и Глеб пекутся не об одном или двух городах, ни о всех, но о всей земле Русской. Поэтому Вышгород — не даром Вышний город, он значительнее Солуня, а чудесная целительная сила Бориса и Глеба дана не только «нашему единому языку... но и всей земли... от всех бо стран ту приходяще туне почьреплють исцеление». Это — не местный патриотизм старого вышгородца Лазаря, связанного с «Вышним градом» воспоминаниями своей молодости и трудов. Это — проявление свойственного Лазарю представления о любимой Руси. Как и игумен Даниил, он искренний и горячий патриот, гордящийся тем, что драгоценный киворий Мономаха удивил греков, что родной Вышгород выше прославленного Солуня. Этот антигреческий мотив в «Сказании» лишний раз показывает искусственность представления о Мономахе как грекофиле, не одобрявшем национальных тенденций Печерского монастыря.¹⁴⁴

Наконец, последнее, но самое главное. Читатель Нестора движется среди явлений отвлеченного мира, в котором почти нет живых людей, а тем более народа. Пожалуй, только один раз народ появляется в церковном вступлении «Чтения» и то в роли «радостно текущих» креститься статигос, в театральной сцене крещения. М. Д. Приселков отметил, что Нестор вообще не высоко оценивал значение народа и считал, что «ум одного выше веча, движимого голодом и неспособного к тонкой мысли».¹⁴⁵ «Сказание» поражает нас обратным. После событий 1068—1071 гг. и 1113 г., современником которых был Лазарь, не заметить народа, его значения и силы было нельзя. Труд Лазаря был призван стать одним из средств «утоления мятежа» и укрепления веры в народных массах. Поэтому Лазарь делает представителей народа — дорогобужскую рабу и заточенных по клевете узников — центральными героями чудес Бориса и Глеба, оставляя в тени рассказы об исцелениях. Он с впечатляющей силой говорит о заступничестве святых князей за униженных и оскорбленных княжеским судом; они дают право узникам обвинять князя и угрожать ему; Лазарь влагает в молитву, заключающую житийную часть, по существу обвинительный акт злодеяниям феодалов. В апофеозе «Сказа-

¹⁴³ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ... стр. 245.

¹⁴⁴ Возражения против этой точки зрения уже делались в литературе; см., например: Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»... стр. 306—308; А. С. Орлов. Владимир Мономах. Л., 1946, стр. 55, 63—64.

¹⁴⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 40—41.